

Степанов Евгений Сергеевич

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
e.s.stepanov@spbu.ru

Лингвокультурная специфика оценки в немецко- и русскоязычных рецензиях по социологии*

Для цитирования: Степанов Е. С. Лингвокультурная специфика оценки в немецко- и русскоязычных рецензиях по социологии. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2023, 20 (1): 117–136. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.107>

В статье поднимается вопрос о лингвокультурной специфике оценочных стратегий в научно-экспертных практиках России и Германии. Актуальность работы объясняется ее включенностью в современный контекст междисциплинарных исследований и обращенностью к лингводискурсивным, социолингвистическим и лингвокультурологическим аспектам изучения языковых средств выражения оценки. Показано, что коммуникативная практика научной экспертизы имеет решающее значение в процессе верификации и аксиоматизации научного знания. Материалом для исследования послужили немецко- и русскоязычные корпуса научных рецензий по социологии, в качестве основной единицы анализа выступает оценочная предикация. Анализ предикаций проводится с использованием качественно-количественных методов, включающих в себя как статистический анализ количественных данных корпусов, так и их интерпретацию на основе контекста, авторской интенции и типа частнооценочных значений. Новизна исследования состоит в определении социолингвистических особенностей процедур рационального и эмоционального оценивания в научном социологическом дискурсе России и Германии. Установлено, что немецко- и русскоязычные рецензенты используют специфические оценочные стратегии, во многом отличающиеся друг от друга. В то время как в социологических рецензиях на немецком языке фокус направлен на рациональное оценивание по критериям достоверности, четкости и полноты для объективно-отстраненной экспертизы исследования, отечественные рецензенты более активно используют эмоциональные оценки для выражения собственной оценочной позиции и личной заинтересованности. Установлено, что немецкоязычным рецензиям в целом свойственна значительно более высокая степень оценочной насыщенности, причем оценки приблизительно в равной степени распределяются по группам положительных и отрицательных. Напротив, в рецензиях на русском языке отрицательные оценки практически отсутствуют.

Ключевые слова: научный дискурс, научно-экспертная практика, научная рецензия, языковая оценка, оценочное позиционирование.

* Исследование подготовлено при поддержке РНФ (проект № 22-28-01024 «Язык оценок в научных гуманитарных практиках и дискурсах Германии и России») в СПбГУ.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

Экспертная оценка в научной практике

Процесс получения и верификации нового знания представляет большой научный интерес для целого ряда дисциплин. Приоритетом междисциплинарного социолингвистического подхода является изучение механизмов приращения нового, признанного научным сообществом знания и включения его в разряд аксиоматического в проекции на межличностное профессиональное взаимодействие субъектов научного дискурса. Для того чтобы проследить, какие методы и типы текста используются для этого учеными, целесообразным представляется ввести понятие коммуникативной практики.

Коммуникативная практика подразумевает наличие устойчивой конфигурации регулярно воспроизводимых социокоммуникативных действий, осуществляемых их акторами с целью реализации определенных типовых задач [Чернявская 2021: 12]. Привлечение понятия «коммуникативная практика» для проведения социолингвистических исследований является на сегодняшний день приоритетным направлением, поскольку такой подход позволяет конкретизировать изучаемую область коммуникации, ориентируясь на ее тематику и функции [Hausendorf et al. 2017], используя как письменный, так и устный каналы связи, а также целый ряд экстралингвистических средств. Коммуникативная практика манифестируется в реальном общении в виде определенных типов текстов и речевых жанров, обслуживающих ее цели [Stein 2011: 14–15].

Что касается такой сферы социального взаимодействия, как наука, то здесь решающее значение имеет **научно-исследовательская практика**. Она незаменима для развития науки и верификации представляемого к дискуссии нового знания, которое является конечной целью научной коммуникации. При помощи реализуемых в рамках научно-исследовательской практики типов текстов — рецензий, отзывов или заключений — новое знание находит либо свое подтверждение, либо опровержение с целью последующего включения в общую научную базу [Нефедов 2021: 768–769]. При этом проявляется важнейший аксиологический момент научно-исследовательской деятельности: сами по себе ее результаты не несут никакой ценности для социума, если они, во-первых, не являются достоянием общественности (ср. термин Х. Вайнриха *Veröffentlichungsgebot* «требование опубликовать научные открытия»¹ [Weinrich 2006: 210]) и не могут быть подвержены дискуссии и критическому рассмотрению со стороны научного сообщества (ср. термин *Rezeptions- und Kritikgebot* «требование рецепции и критики нового знания» [Weinrich 2006: 210]). Реализация этих принципов во многом осуществляется при помощи **оценки**.

Оценочное значение является дополнительным квалифицирующим компонентом, который накладывается на дескриптивное содержание высказывания. Изучение того, как оценочное значение выражается автором в тексте, может происходить на базе разных подходов. В наиболее общем виде под оценкой понимается выражение автором отношения, позиции, чувств и эмоций в отношении предметов или явлений (ср. термин *evaluation*, используемый в работе [Hunston, Thompson 2000: 5]). В рамках такого широкого подхода исследуется максимально широкий спектр средств выражения оценки на всех уровнях с учетом контекста (лексиче-

¹ Здесь и далее перевод определений, терминов и примеров автора настоящей статьи.

ские средства, грамматический уровень, прагматическое измерение текста, условия, в которых осуществляется коммуникация) [Martin, White 2007].

С других — более конкретизированных — позиций это явление рассматривается С. Конрадом и Д. Бибером, которые считают оценкой выражение эпистемической позиции исследователя по отношению к достоверности сообщаемого (*epistemic stance*) [Conrad, Biber 2000: 64]. Иными словами, авторы ограничивают понятие оценки сферой эпистемической модальности. В свою очередь, Дж. Р. Мартин и П. Р. Уайт фокусируют внимание преимущественно на личном эмоциональном отношении автора к объекту оценки («appraisal») [Martin, White 2007: 6]. Однако оценка призвана не всегда только выражать авторское отношение или позицию, зачастую она служит одновременно средством диалогизации текста. Как пишет К. Хайланд, авторы используют языковые средства, в том числе оценочные, для инсценирования диалога с читателем, пробуждения его интереса и включения в дискуссию. Для такого типа оценочных средств он вводит термин «engagement» («вовлечение в дискуссию», «диалогизация») [Hyland 2005: 176]. Существуют и более узкие подходы к изучению оценки. Так, направление «грамматики оценки» [Grund 2021: 76] занимается исследованием языковых средств выражения отношения к целой пропозиции в процессе ее порождения при помощи таких конструкций, как, например, *I suggest, we suppose, it is possible that...* и др. [Hunston, Thompson 2000: 18–19].

На наш взгляд, наиболее комплексное, интегральное определение оценки было предложено Дж. В. Дю Буа. Этому исследователю удалось, как представляется, объединить наиболее существенные измерения оценки, обсуждаемые в разных, в том числе упомянутых выше, подходах. Правда, следует заметить, что понятие оценки он в большей степени формулирует применительно к диалогической, устной коммуникации:

Оценка — это реализуемый социальным актором в диалогической форме при помощи эксплицитных коммуникативных средств публичный акт, одновременно включающий в себя оценивание объектов, позиционирование субъектов (адресанта и адресата) и консолидацию с другими субъектами [Du Bois 2007: 163].

Свою интерпретацию оценки Дю Буа графически визуализировал в форме треугольника (см. рис. 1), состоящего из трех компонентов — субъектов оценки (адресанта и адресата) и объекта оценки. В процессе оценочного акта субъекту необходимо выполнить ряд аналитических процедур, включающих в себя выбор объекта для оценивания, выбор оценочного признака, сопоставление качеств объекта с этим признаком и приписывание оценочного значения оцениваемому объекту. Если использовать вышеприведенные термины, на этом этапе происходит выражение отношения субъекта к объекту (*evaluation, appraisal*). В ходе оценивания субъекты занимают определенную позицию по отношению к объекту, выражая ее либо эпистемически (*epistemic stance*), либо эмоционально (*appraisal, affect*). В модели Дю Буа (рис. 1.) отдельно подчеркивается интеракционный аспект оценки: отправитель и реципиент оценочного высказывания могут меняться местами, выражая свои позиции в диалогической форме. Результатом такой дискуссии может стать либо консолидация сторон по вопросу оценивания объекта, либо возникновение разногласий.

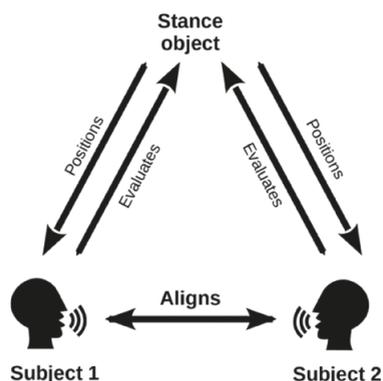

Рис. 1. «Треугольник оценки»
Дю Буа [Du Bois 2007: 163]

вопросу достоверности и верифицируемости представленной в рецензируемом труде информации.

Подводя итоги краткому теоретическому рассмотрению категории языковой оценки, можно резюмировать, что оценка, с одной стороны, рассматривается как универсальная текстовая категория, свойственная всем научным текстам. С другой же стороны, если за основу брать функцию, которая реализуется в конкретном виде научной практики, то на оценку накладывается особое социопрагматическое значение, в котором в сжатом виде фиксируются особенности научно-экспертной практики. В частности, в рамках научно-экспертной практики оценивание не только представляет собой основной текстообразующий инструмент, но и формирует саму цель коммуникации [Nefedov 2019: 1869]. При помощи экспертной оценки предлагаемое исследователем для обсуждения знание может быть размещено на шкале достоверности и в результате включено либо же не включено в научный оборот.

Научные рецензии как инструмент оценки

Для изучения лингвокультурной специфики языковой оценки в научно-экспертной практике мы составили корпус из десяти научных рецензий по социологии на немецком языке и десяти — на русском. Немецкоязычные рецензии датированы 2020–2021 гг., в то время как временной диапазон публикации рецензий на русском языке несколько шире и охватывает в основном период с 2010 по 2018 г. (одна рецензия датирована 2000 г.). В отношении объема рецензий следует отметить, что русскоязычные рецензии в среднем практически в 1,5 раза больше, чем рецензии на немецком языке.

Несмотря на эти различия в объеме рецензий, насыщенность оценочными предикациями значительно выше в рецензиях на немецком языке. Под **оценочной предикацией** мы понимаем содержащую оценку двухкомпонентную структуру с ассертивной интенцией, отличительной особенностью которой является приписывание субъекту конкретного предиката [Weinrich 2007: 183]. Ниже мы приведем подробный анализ оценочной наполненности рецензий на обоих языках. Для этого

Если иметь в виду научную письменную коммуникацию, то эту модель можно модифицировать применительно к коммуникативной практике научной экспертизы следующим образом. В роли основного субъекта в модифицированной модели должен выступать рецензент, оценивающий конкретный объект — представленный для научного обсуждения исследовательский труд. Рецензент вступает в диалог с другими субъектами оценки — с автором рецензируемой работы, которому он непосредственно адресует свои замечания, а также с научным сообществом, от лица которого он дает **экспертную оценку** работе. Результатом рецензирования является заключение эксперта, в котором выражается его позиция по

анализа используются качественно-количественные методы, которые, наряду с количественной статистикой употребления оценок в рецензиях, учитывают также специфику употребления оценочных структур в тексте.

Общая оценка рецензируемого труда

Рецензенты крайне редко эксплицитно дают свое общее положительное или отрицательное заключение по обсуждаемой работе. В рецензиях на немецком языке такие общие эксплицитные оценки не встретились ни разу, на русском языке — только единожды:

- (1) В рецензируемой книге авторам **в целом удалось** широкими рефлексивными мазками создать концептуальную картину теоретико-методологических проблем, с которыми сталкивается сегодня российская социология в условиях «вызовов», бросаемых ей эпохой позднего модерна [Силласте 2018: 136].

Чтобы вывести генерализованную имплицитную оценку рецензируемых работ, мы опирались на подсчеты соотношения общего количества положительных и отрицательных оценок. При этом было установлено следующее. Абсолютно во всех немецкоязычных рецензиях наряду с преимуществами отмечаются и недостатки представленного к дискуссии труда, что позволяет говорить об общей (имплицитной) смешанной оценке. Кроме того, в двух рецензиях отрицательные оценочные предикации составляют основной объем рецензии, так что представляется верным говорить об их общей отрицательной направленности. Совершенно иную картину мы наблюдаем при анализе русскоязычных рецензий. В трех рецензиях из корпуса не встречается ни одной отрицательной оценочной предикации, что соответствует общей положительной оценке работы. В остальных рецензиях эксперты выделяют как положительные, так и отрицательные стороны. Такие рецензии, следовательно, содержат общую смешанную оценку. Статистика общей оценки рецензируемых работ представлена на рис. 2.

Как было подчеркнуто выше, авторы рецензий обычно делают выводы не по всей работе в целом, а по отдельным ее положениям. К специфическим языковым средствам, выражающим отношение рецензента к содержанию работы, относятся лексемы со значением:

- удачности/неудачности: *(nicht) gelingen* ‘(не) удаваться’, *gut geraten* ‘получиться’; *(не) удаваться, удачно, похвально, успех*;
- согласия/несогласия: *zu Recht* ‘по праву’, *ohne Frage* ‘несомненно’; *(не) соглашаться, быть солидарным, действительно, с полным правом, не без оснований*;
- верности/правильности: *gut* ‘хорошо’, *Güte* ‘высокое качество’, *positiv* ‘положительно’, *richtigerweise* ‘правильно’; *правота, хорошо*.

Приведем конкретные примеры для иллюстрации наших рассуждений.

- (2) *Wilterdink erkennt richtigerweise, dass Abbotts Ansatz eine Kombination von US-Zentrismus und Präsentismus darstellt* [Alikhani 2021: 157]. ‘Вильгердинг **правильно** подмечает, что подход Эбботта представляет собой комбинацию из центразма американского образца и презентизма’.

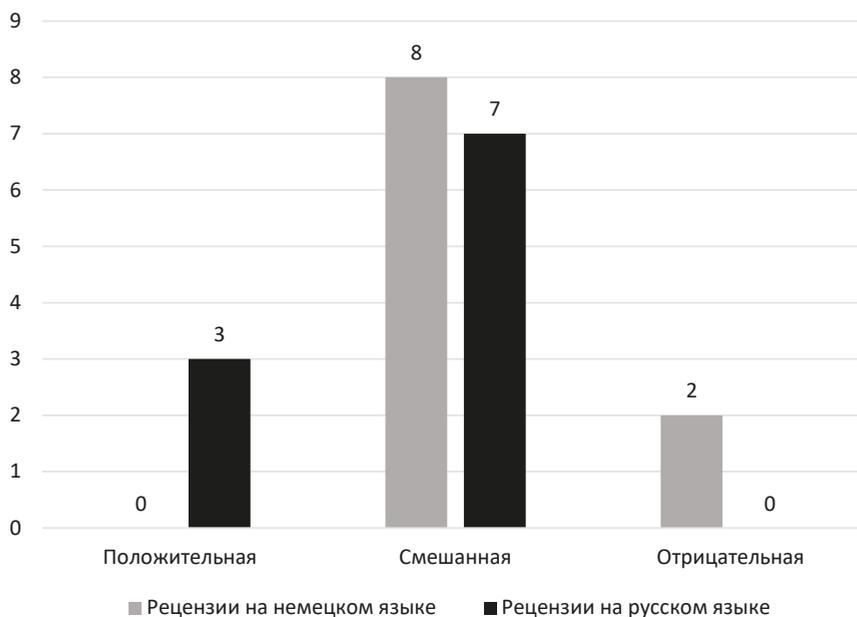

Рис. 2. Общая оценка научного труда в рецензиях на немецком и русском языках

В примере (2) автор немецкоязычной рецензии эксплицитно подтверждает верность цитируемого им тезиса о сущности процессуального подхода к социологии Э.Д. Эббота, используя наречие *richtigerweise* ('правильно', 'справедливо'). Пример (3) из рецензии на монографию о социологии будущего на русском языке содержит несколько иную тактику выражения согласия: вначале рецензент цитирует позицию автора исходного произведения в отношении этого направления социологии, а затем при помощи модально-эпистемического слова *действительно*, выражающего уверенность говорящего в достоверности сообщаемого [Нефедов 2017], демонстрирует свое согласие с этой позицией:

- (3) Социология будущего способствует «переоткрытию общества через концепцию будущего» [с. 13], позволяет глубже проникнуть в сущность общественных процессов. Ведь подобная проблематика неизбежно генерирует потребность в более тщательном «аналитическо-объяснительном» подходе к общественным процессам. **Действительно**, сам социально-прогностический процесс, с одной стороны, и процедуры социального моделирования будущего — с другой, являются мотиваторами и катализаторами развития социологии, особенно ее теоретической и аналитической части [Сивиринов 2018: 157].

В отношении характера и распространенности частных оценок удачности и верности положений и выводов ученых следует заметить, что они в большинстве случаев содержат одобрение эксперта и несколько шире применяются отечественными рецензентами (13 оценочных предикаций в немецкоязычных рецензиях vs 16 в русскоязычных; см. рис. 4).

И все же экспертная оценка в большинстве случаев не оперирует категориями абстрактной правильности или неправильности, а направлена на анализ работы с точки зрения конкретных, объективных параметров. Для определения этих па-

раметров обратимся к классификации частнооценочных значений, предложенной Н. Д. Арутюновой. Исследователь выделяет группы сублимированных, утилитарных (рациональных) и сенсорных (эмоциональных) оценок [Арутюнова 1999: 199]. Для настоящей статьи релевантными являются **рациональные и эмоциональные типы оценочных значений**.

Две названные сферы — рации и эмоцио — в значительной мере формируют специфику экспертно-научной практики. И если рации оперирует объективными фактами и данными, то эмоцио — это «тонкое, динамичное и непостоянное явление», выражающееся в ощущениях и чувствах [Шаховский 2008: 387]. Несмотря на кажущуюся несовместимость двух категорий, лингвистические исследования базируются на постулате об их конструктивном взаимодействии и взаимовлиянии [Трофимова 2020: 10]. Применительно к научным рецензиям можно сказать, что рациональные оценки основываются на соответствии некоему эталону, образцу, с которым происходит сравнение объекта оценки, в то время как эмоциональные оценки опираются на личное восприятие рецензента, его эмоции и чувства. При этом две группы тесно связаны между собой и нередко реализуются в своей совокупности внутри оценочной предикации.

На рис. 3 представлено соотношение рациональных и эмоциональных оценок в немецко- и русскоязычных рецензиях по социологии. Гистограмма показывает, что состав оценочных предикаций существенно различается в рецензиях на немецком и на русском языках. В частности, в немецкоязычных рецензиях рациональных оценок зафиксировано в два раза больше, чем в русскоязычных. При этом эмоциональные оценки значительно преобладают в рецензиях на русском языке, однако в целом менее распространены как в немецко-, так и в русскоязычных рецензиях по сравнению с рациональными оценками.

Рис. 3. Категории оценок в рецензиях по социологии на немецком и русском языках

Рассмотрим подробнее группы рациональных и эмоциональных оценок.

Рациональные оценки в научных рецензиях по социологии

Рациональные оценки базируются на соответствии рецензируемой работы универсальным критериям, выработанным за продолжительное время научным сообществом. Выделяют три группы критериев для оценки качества проведенного исследования: критерии, относящиеся к планированию и организации исследовательской работы, критерии, характеризующие внедрение полученных результатов в практику, и критерии качества и эффективности полученных в ходе исследования результатов [Полонский 2015: 13]. Рациональные оценки в экспертных рецензиях ориентируются в основной своей массе именно на критерии качества и эффективности исследования. В процессе рационального оценивания рецензент выступает голосом научного сообщества, вынося от его имени вердикт обсуждаемой работе, от чего во многом зависит возможность ее включения в действующую научную парадигму. Можно сказать, что рецензент, отождествляя себя с нормами и ценностями научного сообщества, реализует свою социолингвистическую идентичность и принадлежность к нему [Косолапов 2003: 102]. Несмотря на то что С. Т. Нефедов утверждает, что оценке в практике научной экспертизы свойственна в большей мере «точность на шкале достоверности» [Нефедов 2021: 769], необходимо отметить, что и в отношении критериев научности принято производить градацию оценочного значения, которая может включать, по мнению различных экспертов, от двух до десяти разрядов [Полонский 2015: 14]. При этом двухранговая шкала (наличие признака — его отсутствие) считается чрезмерно упрощенной, а слишком большое количество разрядов затруднительно в применении, в связи с чем стандартным считается включение в шкалу четырех разрядов. Для такой градации обычно используются лексические средства бустинга (интенсификаторов оценочного значения) и хеджинга (снижения/ограничения интенсивности признака). С опорой на метод С. Ф. Кислинга, который предлагает называть тематическую направленность языковой оценки «**фокусом оценки**» (*stance focus*) [Kiesling 2022], мы выявили шесть критериев научности, по которым производится оценивание в проанализированных рецензиях: актуальность, новизна, значимость, ясность, обстоятельность и достоверность, — а также лексические средства, которыми манифестируется оценка по данным критериям. Остановимся кратко на каждом из них.

Критерий актуальности исследования выражает «степень расхождения между спросом на научные идеи и предложени[ем]» [Полонский 2015: 20], существующим в науке на данный момент. Среди эксплицитных лексических маркеров актуальности можно выделить *Aktualität* ‘актуальность’, *aktuell* ‘актуальный’; *актуальность*, *актуальный*, а также несколько менее частотную лексему *животрепещущий*, которая, однако, добавляет экспрессивности и красочности тексту, что в целом свойственно проанализированным рецензиям на русском языке. Пример ее употребления представлен в текстовом извлечении (4), где она к тому же усиливается интенсификатором *столь*:

- (4) Логично авторы подошли и к анализу **столь животрепещущего** в социологии вопроса, как социологическая аналитика и интерпретация... [Силласте 2018: 132].

В качестве примера оценки по критерию актуальности в немецкоязычном корпусе приведем фрагмент из рецензии по социологии чрезвычайных ситуаций, где рецензент объясняет актуальность представленной на обсуждение публикации актуальным контекстом эпидемии коронавируса:

- (5) *Aktuell zeigt uns die COVID-19-Pandemie auf, wie abhängig wir in modernen Gesellschaften von Strukturen organisierter Rettung sind und zugleich in welche Legitimationskrisen diese Systeme und die mit ihr verbundenen Maßnahmen geraten können. Vor diesem Hintergrund ist die... Dissertationsschrift Ellebrechts von besonderer Aktualität* [Starystach 2021: 315]. 'Сегодня эпидемия коронавируса показывает нам, насколько мы в современных обществах зависимы от структур экстренной помощи и одновременно с этим — какие кризисы легитимности могут переживать эти системы и связанные с ними мероприятия. С учетом этих факторов диссертация Эллеб्रेхта обладает **особой актуальностью**'.

Критерий новизны оценивает научный труд на основе его оригинальности и творческой самостоятельности; новизна включает в себя, таким образом, признаки неповторимости и оригинальности [Рахматулина 2019: 148]. В рецензиях на немецком языке встречаются, как правило, стандартные маркеры, указывающие на новизну исследования: *Neuheit* 'новизна', *neu* 'новый'. Однако в одной рецензии, которая разоблачает попытку исследователей выдать свой подход за «уникальный» и «революционный», использованы соответственно лексемы *Einmaligkeit* 'уникальность' и *scheinbar revolutionär* 'якобы революционный':

- (6) *Dieses realitätsferne Urteil könnte meines Erachtens nach zwei Gründe haben: Entweder sind [die Autoren] tatsächlich nicht mit den umfassenden Arbeiten von vielen Prozesssoziologen und -soziologinnen in Deutschland und weltweit vertraut oder sie vernachlässigen dies mit Absicht, um die Einmaligkeit und Neuheit eines Ansatzes zu zelebrieren, den sie selbst im deutschen Sprachraum als eine neue und scheinbar revolutionäre Schule der Soziologie zu etablieren versuchen* [Alikhani 2021: 157]. 'Это далекое от реальности суждение можно, по моему мнению, объяснить двумя причинами: либо [авторы] действительно не знакомы с обстоятельными работами многих фигуративных социологов в Германии и по всему миру, либо же они осознанно пренебрегают ими, чтобы подчеркнуть **уникальность и новизну** подхода, который они сами пытаются внедрить в немецкоязычных странах в качестве **новой и якобы революционной** школы социологии'.

В то же время палитра маркеров новизны значительно шире в русскоязычном корпусе и охватывает такие единицы, как *новый, по-новому, новаторский, оригинальный, впервые*:

- (7) **Глубоко новаторский** характер имеют высказанные в 8 и 9 главах книги размышления автора о религиозном возрождении и становлении в России постсекулярного общества [Бабосов 2012: 27].

При помощи **критерия теоретической и практической значимости** измеряется индивидуальный вклад исследователя в развитие научной мысли. Этот критерий имеет особое аксиологическое значение, поскольку на его основе можно определить, какое влияние работа способна оказать на уже устоявшиеся теоретические концепции и практические методы [Полонский 2015: 23]. Для выражения подоб-

ной значимости в корпусе рецензий на немецком языке зафиксированы такие единицы, как *bedeutend* 'значимый', *Bedeutung* 'значение', *fruchtbar* 'плодотворный, продуктивный', *nützlich* 'полезный', *bereichernd* 'вносящий вклад в исследования', *hilfreiche Erkenntnis* 'полезный научный вывод'; особую частотность, однако, показывает лексема *instruktiv* 'ценный с практической точки зрения', включающая в себя семантику информативности, полезности, практической ценности, что свидетельствует о важности практического аспекта, о пользе социологии для общества в Германии:

- (8) *Insgesamt jedoch sind die Ergebnisse der Arbeit besonders in der aktuellen Pandemiesituation äußerst instruktiv* [Starystach 2021: 318]. 'В целом же результаты исследования обладают **огромной практической ценностью** с учетом текущей пандемии коронавируса.'

Что касается лексических маркеров значимости в русскоязычных рецензиях, то здесь стоит отметить лексемы *значимость*, *значение*, *ценность*, *вклад*, *важный*, *полезный*, *обогащающий*. Оценка по этому критерию производится в проанализированном корпусе исключительно эксплицитно, как в следующем фрагменте с заключением рецензента о практической значимости монографии по ценностно-ориентированной социологии:

- (9) *В заключение следует подчеркнуть, что... практическая значимость новой книги В. И. Добренькова порожден[а]... личной ответственностью ученого и наставника за все, что происходит вокруг...* [Бабосов 2012: 29].

Критерий ясности, четкости и логичности призван продемонстрировать, насколько понятно и логично сформулированы результаты научно-исследовательской работы. Мы установили, что в своем проявлении он имеет яркую национальную специфику. Если в немецкоязычном корпусе подавляющее большинство оценок по данному критерию являются отрицательными, то в рецензиях на русском языке встречаются исключительно положительные оценки. Среди лексических маркеров на немецком языке обнаружены отрицательные оценки *Unklarheit* 'неясность', *unklar* 'неясно', *liegt nicht klar auf der Hand* 'неочевидно', *nur am Rande beleuchtet* 'находящийся освещение лишь на периферии', *schwer nachvollziehbar* 'сложный для понимания', *unsystematisch* 'несистематический', *oberflächlich* 'поверхностный', *[etwas] bietet nicht die Orientierung* '[что-то] неинформативно', а также положительные оценки *argumentativ stringent* 'убедительный, аргументированный', *dezidiert* 'четкий', *deutlich* 'отчетливый', *verständlich* 'понятный'. Отдельную группу образуют оценочные предикации с наречием *erwartungsgemäß* 'ожидаемо', свидетельствующим о соответствии логики повествования представлениям рецензента:

- (10) *Erwartungsgemäß beginnt er mit der Disengagement-Theorie, die zwar empirisch nicht haltbar, aber nach wie vor wertvoll sei...* [Detert 2020: 146]. '**Ожидаемо** он начинает обзор с теории разъединения, которая хотя более и не выдерживает критики с эмпирической точки зрения, но по-прежнему сохраняет свою ценность...'

Спектр оценок по критерию ясности и четкости в русскоязычном корпусе представлен маркерами *систематизированный*, *четкий*, *логично*, *ясно*, *точно*, *прагматично*, *последовательно*, *ожидаемо*, *оправданно*. Все обнаруженные оценки по данному критерию являются здесь, в отличие от немецкоязычных рецензий, положительными:

- (11) *Этот процесс идет в условиях разрастания междисциплинарных альянсов, которое С. А. Кравченко точно характеризует как одну из главных тенденций современной науки...* [Коннов 2015: 142].

Критерий полноты и обстоятельности изложения характеризуется схожей лингвокультурной спецификой, что и предыдущий. В большинстве проанализированных немецкоязычных рецензий применяется стратегия оценивания «от обратного», когда рецензент указывает на отсутствие важных аспектов, которые следовало бы включить в исследование. С языковой точки зрения это реализуется при помощи следующих маркеров: *[etwas] fehlt (auffallend)* ‘[что-то] (определенно) отсутствует’, *[etwas] wird ignoriert* ‘[что-то] игнорируется’, *[etwas] wird nicht erwähnt* ‘[что-то] не упоминается’, *es bleibt offen* ‘остаётся открытым’, *sehr selektiv* ‘очень избирательно’, *sehr knapp* ‘очень скудно’, *kurz* ‘кратко’. Также среди используемых для выражения оценки по данному критерию средств часто встречается конъюнктив в значении несовершенного, но желаемого действия. Следующий пример содержит указание на желательность включения в исследования дополнительных теорий из другого направления социологии:

- (12) *So hätte neben den systemtheoretischen Aufsätzen auch einer mit Provenienz aus der Soziologie der Konventionen ... den Band bereichert* [Kahle 2020: 143]. ‘Так, наряду с разделами по теории систем **значительной ценности добавил бы** сборнику раздел с экскурсом в социологию традиции...’

Напротив, в рецензиях на русском языке практически все оценки по этому критерию положительные и представлены лексемами *обширный, достаточный, детальный, всесторонний, обстоятельный, широта, глубина, многообразие*. В качестве примера приведем следующий фрагмент, содержащий суждение рецензента о полноте эмпирической базы исследования Г. С. Батыгина:

- (13) Книга содержит **достаточный** материал для объективной оценки роли этих и других организаторов науки, для собственных выводов читателя на основе множества предложенных фактов, документов, мнений [Волков 2000].

Завершающий критерий, по которому производится рациональное оценивание, является одним из наиболее важных и касается **достоверности и обоснованности** результатов научно-исследовательской работы. Количество отрицательных оценочных предикаций по этому критерию в немецкоязычном корпусе несколько ниже, чем по двум предыдущим, но все же составляет более 50 % от общего объема. Среди лексических маркеров стоит отметить *(nicht) plausibel* ‘(не)достоверно’, *Plausibilität* ‘достоверность’, *überzeugend* ‘убедительно’, *(nicht) fundiert* ‘не(обоснованно)’, *profund* ‘основательно’, *irreführend* ‘вводящий в заблуждение’, *(nicht) haltbar* ‘(не)состоятельный’. Кроме того, оценочные предикации по критерию достоверности нередко формулируются с использованием Конъюнктив I, который рецензенты применяют для передачи чужого мнения и зачастую для выражения сомнения или несогласия с этим мнением:

- (14) *Noch entlang des starken Programms macht Andrea Ploder gleich im ersten Beitrag nach der Einleitung geltend, dass der Begriff der „interpretativen Forschung“ aktuell eine neue „Distinktionsfunktion“ (S. 61) erhalten habe, da der Begriff der „qualitativen Forschung“, heute an Trennschärfe verloren habe* [Scheffer, Trischler 2020: 124]. ‘В русле сильной

программы Андреа Плодер в первом параграфе сразу же после введения заявляет, что понятие “интерпретационных методов исследования” сегодня, **по ее мысли**, выполняет “функцию их отграничения от других методов”, поскольку понятие “качественных методов исследования” сегодня, **по ее утверждению**, потеряло свою специфику’.

Оценочность вышеприведенного примера раскрывается при его рассмотрении в общем контексте рецензии. Приводя рассуждения автора о классификации социологических исследований с использованием перфектной формы конъюнктива, рецензент противопоставляет им далее свое решение, которое он считает наиболее подходящим:

- (15) „An und für sich“ interpretativ sind diese Forschungen dann und nur dann, **so unser Vorschlag**, wenn sie sich selbst als Teil des Gegenstands begreifen und entwerfen, an dem und in dem sie forschen [Scheffer, Trischler 2020: 125]. “Непосредственно” интерпретационными эти исследования становятся тогда и только тогда — и в **этом заключается наше предложение**, когда они сами рассматриваются и разрабатываются как часть объекта, в отношении и внутри которого они проводятся’.

Что касается оценок по критерию достоверности в русскоязычных рецензиях, то наряду с преимущественно положительными оценочными значениями (*фундаментальный, объективный, аргументированный, обоснованный, адекватный, надежный, доказательно, убедительно*) зафиксирован и небольшой процент отрицательных (*спорный, небесспорный*). В большинстве случаев рецензенты все же не высказывают сомнений по поводу результатов авторского исследования:

- (16) На протяжении всей книги Волков **убедительно** показывает роль будущего и социологии будущего в основных измерениях и аспектах социального универсума как объективной тенденции развития отечественной социологической мысли [Сивиринов 2018: 156].

Подводя промежуточные итоги рассмотрения рациональных оценок в рецензиях по социологии на немецком и русском языках, отметим, что немецкоязычные рецензенты используют оценивание по рациональным критериям в два раза чаще отечественных. При этом соотношение положительных и отрицательных оценок в рецензиях на немецком языке примерно одинаковое, в то время как в русскоязычном корпусе количество отрицательных оценок стремится к статистической погрешности. Что касается распространенности отдельных критериев, то и в немецко-, и в русскоязычном корпусе основным и наиболее частотным является критерий достоверности методов и результатов научно-исследовательской деятельности.

Эмоциональные оценки в научных рецензиях по социологии

Рассмотрим далее **эмоциональные оценочные значения**, выражаемые рецензентами в проанализированном социологическом корпусе. Анализ показывает, что, несмотря на сформулированный Х. Вайнрихом еще в 1989 г. «запрет на авторизацию» в научной коммуникации (*Ich-Verbot*) [Weinrich 1989: 132], индивидуальный голос автора — в нашем случае рецензента — отчетливо различим в проду-

цируемом им тексте. И в данной ситуации он звучит уже не от имени научного сообщества, а выражает личную позицию рецензента. Спектр эмоций, проявляемых экспертами, довольно широк и включает в себя выражение **интереса** (*Interesse* ‘интерес’, *interessant* ‘интересный’, *neugierig* ‘любопытный’; *интерес*, *интересный*, *любопытный*, *привлекать внимание*), **удивления и шока** (*beeindruckend* ‘впечатляющий’, *befremdlich* ‘неприятно удивляющий’, *erstaunen* ‘удивлять’; *шокирующий*, *поражаться*, *удивляться*), **сожаления** (*leider* ‘к сожалению’, *schade* ‘жаль’, *bedauerlich* ‘досадно’), **радости** (*froh* ‘радостно’; *негрустно*, *похвально*), а также **пожелания и благодарности** (*wünschen* ‘желать’; *хорошо бы*, *спасибо*). Остановимся немного подробнее на специфике эмоциональных оценок в немецко- и русскоязычных рецензиях.

Практически половина эмоциональных оценок в рецензиях по социологии на немецком языке выражает отрицательные эмоции эксперта, что наиболее ярко проявляется в выражении удивления. Так, в примере (17) видно, что рецензента неприятно удивляет отсутствие тематического структурирования отдельных частей работы:

- (17) *Der Verzicht auf eine ausdrücklichere Strukturierung **erstaunt**, sind Auswahl und Anordnung im ersten Teil doch keineswegs willkürlich* [Detert 2020: 147]. ‘Отказ от более четкого структурирования [**неприятно**] удивляет, особенно если учесть, что выборка и компоновка материала в первой части ни в коем случае не является произвольной’.

Гамма негативных эмоций дополняется частотным выражением сожаления:

- (18) ***Schade** finde ich, dass die Beschreibung der Stichprobe und ihrer Folgen für Selektivität und Bias hinsichtlich der Ergebnisse über das gesamte Buch verteilt ist und nicht sonderlich kritisch reflektiert wird* [Hiekel 2020: 139]. ‘**Досадным фактом** я считаю то, что описание использованного метода случайной выборки и, как следствие, селективности и искажения результатов разбросано по всей книге и не подвергается отдельно критическому осмыслению’.

В этом примере рецензент сожалеет об отсутствии отдельного параграфа с критическим анализом использованного исследователем метода.

Совершенно иную картину эмоционального оценивания мы наблюдаем на примере корпуса русскоязычных рецензий. Абсолютно все эмоции здесь обнаруживают мелиоративные коннотации, в связи с чем группа эмоций, связанных с сожалением, полностью отсутствует. В противовес этому наиболее частотным является выражение интереса рецензента в самом исследовании и его результатах, при этом подчеркивается личная заинтересованность эксперта:

- (19) Воспоминания Ю. Н. Давыдова, И. С. Кона, Н. Ф. Наумовой — это история развития мысли, собственных теоретических представлений и политических взглядов... Это читается, **кстати, с огромным интересом** [Волков 2000].

Выражение удивления также является одной из доминирующих групп эмоций в русскоязычных рецензиях, причем, как было отмечено ранее, проявляется она всегда в положительном ключе и часто затрагивает глобальные аспекты творчества того или иного исследователя:

(20) Но, даже споря с классиком, отмечая какие-то его заблуждения, **не устаешь удивляться** масштабности этой фигуры, по трудам и жизни которого можно изучать всю европейскую культуру середины XX века [Бызов 2010: 197].

В отношении эмоциональных оценок в социологических рецензиях, таким образом, было установлено, что они представлены в немецко- и русскоязычном корпусе неравномерно и чаще используются отечественными рецензентами, которые с их помощью выражают свои положительные эмоции. В то же время немецкоязычные рецензенты используют эмоциональные оценки для выражения не только своих положительных, но в равной степени и отрицательных эмоций.

Интерпретация результатов анализа рациональных и эмоциональных оценок и заключительные выводы

Количественно-качественная статистика рациональных и эмоциональных оценок в рецензиях по социологии на немецком и русском языках приведена на рис. 4. График свидетельствует об отчетливой разнице в подходах немецко- и русскоязычных экспертов к оцениванию.

Оценивание в рецензиях на немецком языке производится практически исключительно на базе универсальных критериев научности, причем особое значение рецензенты придают оценке достоверности методики исследования и его результатов (50 оценочных предикаций), обстоятельности и полноте изложения (48), а также ясности и четкости формулировок (46). Рецензенту важно установить, насколько обоснованы полученные исследователем результаты и достаточно ли четко и подробно они изложены. Личное мнение эксперта здесь практически не представлено, эксперт дает научному исследованию объективную оценку от имени научного сообщества.

Более ярко выражен эмоциональный компонент в процедуре оценивания у отечественных рецензентов: в количественном отношении выражение интереса занимает второе место среди всех групп проанализированных оценок (21 оценочная предикация), уступая только критерию достоверности (23). Таким образом рецензенты показывают, что оцениваемый труд не только имеет научное значение, но и способен вызвать интерес к себе благодаря хорошему стилю, качественной подборке фактов или примеров, выражению личного мнения автора. В отличие от немецкоязычного корпуса, в рецензиях на русском языке большее внимание в процентном соотношении уделяется научным критериям значимости (16) и новизны исследования (12); последний критерий оказался скорее нетипичным для немецкоязычных рецензий (см. рис. 4).

На рис. 5 показано, как распределяются оценочные предикации по группам положительных, отрицательных и смешанных оценок. Предикациями со смешанной оценкой мы считаем такие, в которых одновременно подчеркиваются и достоинства, и недостатки рецензируемого труда. В качестве примера приведем фрагмент из рецензии на монографию по социологии образа жизни, где оценивается глава, посвященная цивилизационному развитию. Рецензент констатирует, что автор дает хороший исторический обзор, но при этом с концептуальной точки зрения глава проработана недостаточно:

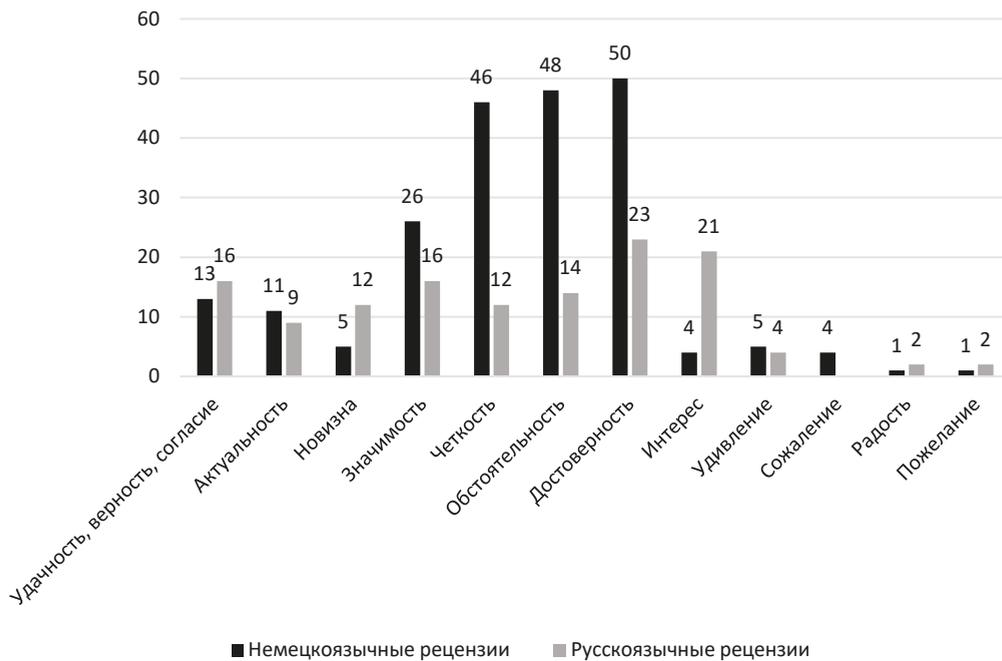

Рис. 4. Распределение оценок по семантическим группам в немецко- и русскоязычных рецензиях по социологии

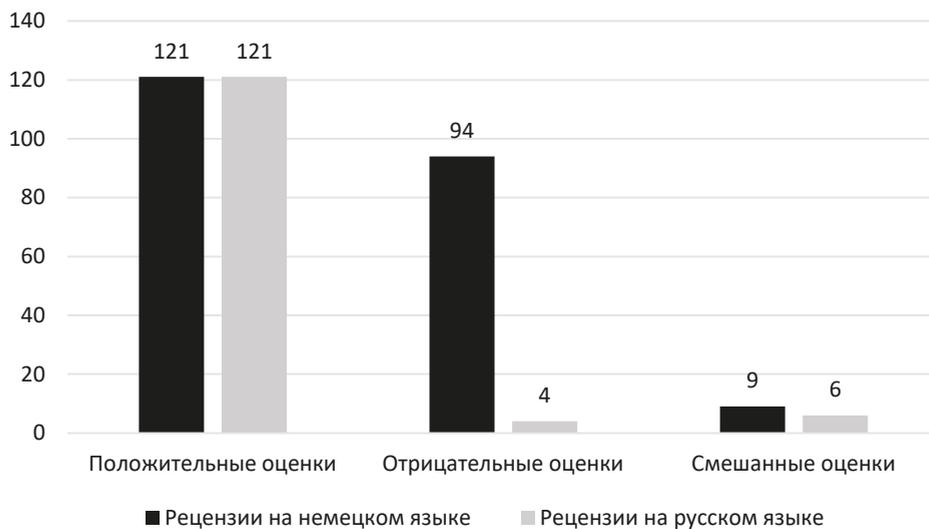

Рис. 5. Положительные и отрицательные оценки в рецензиях по социологии на немецком и русском языках

- (21) *Als zeitdiagnostisches Panorama durchaus gelungen, geht bisweilen die konzeptuelle Schärfe verloren* [Hillmert 2020: 314]. ‘Удачный с точки зрения постановки диагноза эпохе, [обзор] местами лишен четкости концепции’.

В целом необходимо отметить, что рецензиям на немецком языке свойственна значительно более высокая степень отрицательной оценочности. Соотношение положительных и отрицательных оценок в немецкоязычном корпусе составляет 1:0,77, в то время как в русскоязычном — всего лишь 1:0,03. Немецкоязычные рецензенты примерно в равной степени отмечают как удачные, так и спорные стороны исследования, причем критика особо часто строится на наиболее распространенных критериях ясности, обстоятельности и достоверности. Такая зависимость еще раз подчеркивает ведущую роль данных критериев при оценивании. Рецензии отечественных экспертов, в свою очередь, практически лишены отрицательной оценочности и в основном фокусируются на достоинствах обсуждаемой работы, высоко оценивая ее различные аспекты.

Проведенное исследование выявило основополагающие различия в подходах рецензентов к оценке социологических исследований в России и Германии. Во-первых, это касается общего характера оценок, которые в большей степени основываются на рациональных критериях в немецкоязычном корпусе и в значительной мере на эмоциях — в русскоязычном. Во-вторых, несмотря на меньший объем, рецензии на немецком языке содержат примерно в два раза больше оценочных предикаций, чем рецензии на русском языке. В-третьих, примечателен и сам состав оценочных предикаций: если для немецкоязычных рецензентов наиболее важными оказываются критерии достоверности, обстоятельности и ясности, то русскоязычные рецензенты чаще прибегают к использованию критерия достоверности, к выражению собственной заинтересованности, а также к критериям новизны и значимости. Наконец, существенную часть корпуса оценочных предикаций на немецком языке составляют отрицательные оценки, которые практически отсутствуют в проанализированных рецензиях на русском языке. Интересным представляется сравнение полученных результатов с данными анализа рецензий из других областей знаний, в частности лингвистики, что относится к перспективам дальнейшей проработки темы оценивания в научно-экспертной практике.

Источники

- Бабосов 2012 — Бабосов Е. М. Многогранность ценностно-ориентированной социологии (рецензия на книгу В. И. Добренькова «Ценностно-ориентированная социология: Проблемное поле постнеклассической социологии». *Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология*. 2012, (2): 25–29.
- Бызов 2010 — Бызов Л. Г. [Рец. на кн.:] Т. В. Адорно. Введение в социологию. Издательство «Праксис». М., 2010. *Мониторинг общественного мнения*. 2010, 3 (97): 193–197.
- Волков 2000 — Волков А. И. Рец. на кн.: Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах. Отв. ред. Г. С. Батыгин. Ред.-сост. Ярмолюк С. Ф. СПб.: Русский христианский гуманитарный ин-т, 1999. *Вестник РАН*. 2000, (4): 344–348. <http://ihst.ru/projects/sohist/biblio/vol00vr.htm> (дата обращения: 12.01.2022).
- Коннов 2015 — Коннов В. И. Социология социологии в книге С. А. Кравченко «Социологическое знание через призму “стрелы времени”». *Социологическая наука и социальная практика*. 2015, 4 (12): 137–145.

- Сивирин 2018 — Сивирин Б. С. Рец. на кн.: Волков Ю. Е. Социология будущего: социологическое знание и социальный проект. М.: Кнорус, 2017. *Социологические исследования*. 2018, (6): 155–157.
- Силласте 2018 — Силласте Г. Г. Социология: от социальной фотографии к креативному поиску. Рецензия на монографию: Волков Ю. Г., Лубский А. В. Социология в России: в поисках новых идей и креативности. Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2017. *Социологическая наука и социальная практика*. 2018, 6 (1): 131–137.
- Alikhani 2021 — Alikhani B. Prozess-Soziologie. *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. 2021, (73): 155–158.
- Detert 2020 — Detert J. Soziologie des Alterns. *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. 2020, (72): 145–148.
- Hiekel 2020 — Hiekel N. Paarforschung. *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. 2020, (72): 137–140.
- Hillmert 2020 — Hillmert St. Soziologie der Lebensführung. *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. 2020, (72): 313–316.
- Kahle 2020 — Kahle P. Soziologie der Unternehmerfamilie. *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. 2020, (72): 141–144.
- Scheffer, Trischler 2020 — Scheffer Th., Trischler R. Methoden. *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. 2020, (72): 123–131.
- Starystach 2021 — Starystach S. Soziologie des Notfalls. *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. 2021, (73): 315–318.

Литература

- Арутюнова 1999 — Арутюнова Н. Д. *Язык и мир человека*. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Косолапов 2003 — Косолапов Н. А. *Глоссарий по политической психологии*. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2003.
- Нефедов 2017 — Нефедов С. Т. Рестриктивная аргументация: модальные слова сомнения и общезначимости (на материале немецкоязычных лингвистических статей). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2017, 14 (4): 599–610. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2017.408>
- Нефедов 2021 — Нефедов С. Т. Варьирование оценки в коммуникативных практиках научного дискурса. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2021, 18 (4): 760–778. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.408>
- Полонский 2015 — Полонский В. М. Критерии и методы оценки качества педагогических и междисциплинарных исследований. *Образовательные технологии*. 2015, (4): 12–27.
- Рахматулина 2019 — Рахматулина Р. Ш. Критерии оценки результатов научных исследований образовательных бюджетных организаций. *Экономика. Налоги. Право*. 2019, 12 (1): 144–151. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2019-12-1-144-151>
- Трофимова 2020 — Трофимова Н. А. Рации и эмоция в повседневной коммуникации. В кн.: Манукян Я. А., Мегрелишвили Т. Г., Рязановский Л. М. и др. *Ratio at Emotio: Рациональное и эмоциональное в языке и речи*. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2020. С. 10–31.
- Чернявская 2021 — Чернявская В. Е. *Текст и социальный контекст: Социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения*. М.: Ленанд, 2021.
- Шаховский 2008 — Шаховский В. И. *Лингвистическая теория эмоций*. М.: Гнозис, 2008.
- Du Bois 2007 — Du Bois J. W. *Stancetaking in Discourse*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Co., 2007.
- Conrad, Biber 2000 — Conrad S., Biber D. Adverbial Marking of Stance in Speech and Writing. In: *Evaluation in Text: Authorial Stance and the Construction of Discourse*. Hunston S., Thompson G. (eds). Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 56–73. <https://dx.doi.org/10.4995/rlyla.2013.1028>
- Grund 2021 — Grund P. J. *The Sociopragmatics of Stance. Community, Language, and the Witness Depositions from the Salem Witch Trials*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2021. <https://doi.org/10.1075/pbns.329>

- Hausendorf et al. 2017 — Hausendorf H., Kesselheim W., Kato H., Breitholz M. *Textkommunikation. Ein textlinguistischer Neuanatz zur Theorie und Empirie der Kommunikation mit und durch Schrift*. Berlin; New York: De Gruyter, 2017.
- Hunston, Thompson 2000 — Hunston S., Thompson G. *Evaluation in Text. Authorial Stance and the Construction of Discourse*. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Hyland 2005 — Hyland K. Stance and engagement: a model of interaction in academic discourse. *Discourse Studies*. 2005, 7 (2): 173–191. <https://doi.org/10.1177/1461445605050365>
- Kiesling 2022 — Kiesling Sc. F. Operationalizing Theoretical Constructs in Digital Discourse Analysis. In: *Research Methods for Digital Discourse Analysis*. Vásquez C. (ed.). London: Bloomsbury Publishing, 2022.
- Martin, White 2007 — Martin J.R., White P.R. *The Language of evaluation: Appraisal in English*. New York: Palgrave Macmillan, 2007.
- Nefedov 2019 — Nefedov S. T. Towards Evaluation in Scientific Reviews (Based on German Linguistics). *Journal of Siberian Federal University — Humanities and Social Sciences*. 2019, 12 (10): 1868–1886. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0494>
- Stein 2011 — Stein St. Kommunikative Praktiken, kommunikative Gattungen und Textsorten. Konzepte und Methoden für die Untersuchung mündlicher und schriftlicher Kommunikation im Vergleich. In: *Institutionalisierter Alltag: Mündlichkeit und Schriftlichkeit in unterschiedlichen Praxisfeldern*. Birkner K., Meer D. (Hrsg.). Mannheim: Verlag für Gesprächsforschung, 2011. S. 8–27.
- Weinrich 1989 — Weinrich H. Formen der Wissenschaftssprache. In: *Jahrbuch 1988 der Akademie der Wissenschaften zu Berlin*. Berlin: De Gruyter, 1989. S. 119–158.
- Weinrich 2006 — Weinrich H. *Sprache, das heißt Sprachen*. 3. Aufl. Tübingen: Narr, 2006.
- Weinrich 2007 — Weinrich H. *Textgrammatik der deutschen Sprache*. 4., revid. Aufl. Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag, 2007.

Статья поступила в редакцию 25 мая 2022 г.
Статья рекомендована к печати 9 ноября 2022 г.

Evgenii S. Stepanov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
e.s.stepanov@spbu.ru

Linguocultural evaluation specifics in German and Russian reviews on sociology*

For citation: Stepanov E. S. Linguocultural evaluation specifics in German and Russian reviews on sociology. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2023, 20 (1): 117–136. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.107> (In Russian)

The article raises the issue of linguocultural specifics of evaluation strategies in scientific expert practices of Russia and Germany. The relevance of the work is explained by its inclusion in the modern context of interdisciplinary studies and its focus on linguistic, sociolinguistic and linguoculturological aspects of examination of evaluative linguistic means. It is revealed that the communicative practice of scientific expertise is pivotal for verification and axiomatisation of scientific knowledge. The material for the study are German and Russian corpora of scientific sociology reviews, with the evaluation predication being chosen as the main analysis unit. The analysis of predications is carried out using qualitative and quantitative methods, including both statistical analysis of quantitative corpus data and their interpretation based on context, authorial intention and the type of specific evaluative meanings within the frame-

* The study was funded by the Russian Science Foundation grant no. 22-28-01024 “Evaluation language in scholarly humanities practices and discourses of Germany and Russia” at the St. Petersburg State University.

work of real communicative practices. The novelty of the study consists in the identification of sociolinguistic features of rational and emotional evaluation procedures in scientific sociological discourse in Russia and Germany. It is found that German- and Russian-speaking reviewers use different specific evaluation strategies. Whereas in German-language sociological reviews, the focus is on rational evaluation by validity, clarity and completeness criteria for an objectively detached work examination, Russian reviewers widely use emotional evaluation to express their attitude and personal interest. German-language reviews are generally characterised by a significantly higher degree of evaluative saturation, with evaluations roughly equally distributed into the positive and negative groups, in contrast to Russian-language reviews, where negative evaluations are scarcely found.

Keywords: scientific discourse, scientific expert practice, evaluation, authorial stance, sociology expert reviews.

References

- Арутюнова 1999 — Arutiunova N.D. *Language and world of human*. 2nd ed. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. (In Russian)
- Косолапов 2003 — Kosolapov N. A. *Glossary of political psychology*. Moscow: Rossiiskii universitet druzhby narodov Publ., 2003. (In Russian)
- Нефедов 2017 — Nefedov S. T. Restrictive Argumentation: Modal Words of Doubt and Shared Knowledge in Academic Linguistic Writings. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2017, 14 (4): 599–610. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2017.408> (In Russian)
- Нефедов 2021 — Nefedov S. T. The variety of evaluation in communicative practices of academic discourse. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2021, 18 (4): 760–778. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.408> (In Russian)
- Полонский 2015 — Polonskij V.M. Criteria and methods for assessing the quality of pedagogical and interdisciplinary research. *Obrazovatel'nye tekhnologii*. 2015, (4): 12–27. (In Russian)
- Рахматулина 2019 — Rakhmatulina R. Sh. Criteria for assessing research findings of educational budgetary institutions. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*. 2019, 12 (1): 144–151. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2019-12-1-144-151> (In Russian)
- Трофимова 2020 — Trofimova N. A. Ratio and emotio in everyday communication. In: Manukian Ia. A., Megrelishvili T. G., Riazanovskii L. M. et al. *Ratio at Emotio: Ratsional'noe i emotsional'noe v iazyke i rechi*. St Petersburg: Russkaia khristianskaia gumanitarnaia akademiia Publ., 2020. P. 10–31. (In Russian)
- Чернявская 2021 — Chernyavskaya V.E. *Text and social context: Sociolinguistic and discourse analysis of meaning generation*. Moscow: Lenand Publ., 2021. (In Russian)
- Шаховский 2008 — Shahovskij V.I. *Linguistic theory of emotions*. Moscow: Gnozis Publ., 2008. (In Russian)
- Du Bois 2007 — Du Bois J. W. *Stancetaking in Discourse*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Co., 2007.
- Conrad, Biber 2000 — Conrad S., Biber D. Adverbial Marking of Stance in Speech and Writing. In: *Evaluation in Text: Authorial Stance and the Construction of Discourse*. Hunston S., Thompson G. (eds). Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 56–73. <https://dx.doi.org/10.4995/rlyla.2013.1028>
- Grund 2021 — Grund P.J. *The Sociopragmatics of Stance. Community, Language, and the Witness Depositions from the Salem Witch Trials*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2021. <https://doi.org/10.1075/pbns.329>
- Hausendorf et al. 2017 — Hausendorf H., Kesselheim W., Kato H., Breitholz M. *Textkommunikation. Ein textlinguistischer Neuanatz zur Theorie und Empirie der Kommunikation mit und durch Schrift*. Berlin; New York: De Gruyter, 2017.
- Hunston, Thompson 2000 — Hunston S., Thompson G. *Evaluation in Text. Authorial Stance and the Construction of Discourse*. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Hyland 2005 — Hyland K. Stance and engagement: a model of interaction in academic discourse. *Discourse Studies*. 2005, 7 (2): 173–191. <https://doi.org/10.1177/1461445605050365>
- Kiesling 2022 — Kiesling Sc.F. Operationalizing Theoretical Constructs in Digital Discourse Analysis. *Research Methods for Digital Discourse Analysis*. Vásquez C. (ed.). London: Bloomsbury Publishing, 2022.

- Martin, White 2007 — Martin J.R., White P.R. *The Language of evaluation: Appraisal in English*. New York: Palgrave Macmillan, 2007.
- Nefedov 2019 — Nefedov S. T. Towards Evaluation in Scientific Reviews (Based on German Linguistics). *Journal of Siberian Federal University — Humanities and Social Sciences*. 2019, 12 (10): 1868–1886. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0494>
- Stein 2011 — Stein St. Kommunikative Praktiken, kommunikative Gattungen und Textsorten. Konzepte und Methoden für die Untersuchung mündlicher und schriftlicher Kommunikation im Vergleich. In: *Institutionalisierter Alltag: Mündlichkeit und Schriftlichkeit in unterschiedlichen Praxisfeldern*. Birken K., Meer D. (Hrsg.). Mannheim: Verlag für Gesprächsforschung, 2011. S. 8–27.
- Weinrich 1989 — Weinrich H. Formen der Wissenschaftssprache. In: *Jahrbuch 1988 der Akademie der Wissenschaften zu Berlin*. Berlin: De Gruyter, 1989. S. 119–158.
- Weinrich 2006 — Weinrich H. *Sprache, das heißt Sprachen*. 3. Aufl. Tübingen: Narr, 2006.
- Weinrich 2007 — Weinrich H. *Textgrammatik der deutschen Sprache*. 4., revid. Aufl. Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag, 2007.

Received: May 25, 2022
Accepted: November 9, 2022